МЕТАЭКОЛОГИЯ
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

В. А. Красилов

Авторский постскриптум к книге **«Метаэкология. Закономерности эволюции природных и духовных систем»**. М., 1997

Экология пытается определить место человека в биосфере, и это логически приводит к рассмотрению феноменов духовной жизни в контексте экологических взаимодействий. Представление о духовной жизни как системе, отнюдь не сводимой к экологической, но подобной ей в некоторых наиболее общих свойствах, открыло новую область приложения экологических знаний, которую я называю метаэкологической. Ее родство с экологией выражается в первую очередь в том, что и та и другая имеют своим предметом системные связи.

МЕЖДУ МИРАМИ

Жизнь человека не ограничивается миром вещей, часть ее протекает в мире идей. Разграничение этих двух миров было проведено еще Платоном, который считал мир идей первичным и несравненно более важным, чем мир вещей, положив тем самым начало философскому направлению, называемому идеалистическим.

Если идеалисты видели в вещах лишь бледные тени идей, то материалисты отводили идеям не более чем обслуживающую роль. Противоречия между этими двумя точками зрения далеко выходят за рамки философии, распространяясь на политику и бытовую сферу.

В сущности, каждый человек, даже вовсе не считающий себя философом, как-то решает для себя проблему соотношения двух миров. Мы называем перевод из мира вещей в мир идей пониманием, но нередко останавливаемся на полпути, окутывая явления духовной жизни плотным покровом мистики. Непонятое в духовной сфере что сор в глазу — ссылками на традиции, обычаи предков и тому подобное здесь не поможешь. Здесь, как и в борьбе с загрязнением окружающей природной среды, основная роль принадлежит науке.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Говорят, что прототипом Робинзона Крузо был выброшенный на пустынный остров моряк Александр Селькирк, конкретное физическое лицо. Но кто помнит о Селькирке? Если бы Селькирка и не было вовсе, интеллектуальное воздействие Робинзона Крузо на несколько поколений европейцев нисколько не уменьшилось бы.

Существование определяется воздействием: я на что-то воздействую, значит, существую. В этом смысле существование Крузо несомненно. Примерно так же обстоит дело и с другими метаэкологическими созданиями, вопрос о существовании которых не может быть решен на экологическом уровне. И для верующего, и для атеиста творец мироздания — центральная фигура духовного мира, метаэкологическое существование которой (со знаком плюс или минус) бесспорно хотя бы потому, что вызывает столько споров. Попытки перевода из одной сферы в другую могут поглотить всю жизнь и даже унести много жизней. Чем была недавняя газовая атака буддистской секты, как не попыткой перенести в токийское метро метаэкологический конец света? Что скрывается за нашим почти болезненным интересом к инопланетной жизни? Почему стремление к выживанию уже почти уравновешивается стремлением к уходу из жизни? Почему нам не приносят благополучия ни демократия, ни рынок? Представляется, что мы не найдем ответов на эти вопросы, пока не признаем автономию метаэкологических лиц, существующих наравне с физическими.

Робинзон Крузо

Ассирийский крылатый гений-покровитель

Естествознание недвусмысленно свидетельствует о первичности мира вещей в смысле исторической последовательности, из которой, впрочем, отнюдь не вытекает первенство по значению. К тому же отношения могли со временем меняться. Так, вещизм связывает появление человеческой речи с обслуживанием

трудового процесса. Однако имеются исторические свидетельства возникновения слова как магического заклинания, общения с потусторонним миром. Эта функция и по сей день остается первичной в тех сферах, где слово сохраняет всю полноту своей магической власти (в поэзии, например), и лишь приниженное, обесцвеченное слово используется как инструмент бытового общения.

Сейчас уже накоплен достаточный исторический опыт, показывающий, что утверждение «вертикальных» отношений между двумя сферами человеческого существования (мир идей главнее мира вещей или наоборот) не было продуктивным, более того, оно было источником постоянного разлада как в той, так и в другой. Более продуктивны, по-видимому, «горизонтальные» отношения, способствующие взаимному обогащению. Так, сексуальная символика брачного поведения, проникнув в мир идей, положила начало семиотике, а биологические средства привлечения — эстетике. Эстетические нормы, в свою очередь, мощно и, по-видимому, благотворно влияют на питание и размножение.

ЭГОСИСТЕМА

Мы традиционно ищем себя в мире вещей, в отношениях с другими людьми. Эта традиция имеет очень глубокие корни, поскольку у древнего человека самоопределение основывалось на мнении окружающих. Однако удостоверение личности подтверждает идентичность каждого из нас в качестве физического лица, но никак не личности, которая много объемнее. Идентичность личности основывается на внутренних свидетельствах, которые находят внешнее воплощение лишь в творческих актах. Сложная структура личности — результат длительной эволюции.

Духовная жизнь как условие самопознания сначала была коллективной, ее носителем было «общественное я» — комэго, и лишь постепенно, в результате длительных и еще далеко не завершившихся процессов, происходило замыкание самопознания на самом его субъекте, приобретение индивидуальной духовной жизни, которое у большинства людей все еще очень сильно зависит от коллективной.

Аналогичные процессы перемещения наиболее важных функций из среды внутрь организма широко распространены на биологическом уровне. Примером их может быть замена откладывания яиц живорождением. У плацентарных млекопитающих в период беременности формируется как бы двойной организм, который разделяется при освобождении новорожденного от плаценты (если до этого не произойдет отторжение плода вследствие его несовместимости с организмом матери). Нечто подобное происходит при формировании человеческой личности с переходом от племенного сознания к индивидуальному.

При этом остро встала проблема самоопределения. Отныне я сам, без подсказки соплеменников, знаю, кто я такой. Но что значит — я сам?

Индивид, выступая одновременно в качестве объекта и субъекта познания, начинает жить двойной жизнью. Появляется «второе я» — метаэго, которое все больше отстраняется от «первого я» — протоэго, превращаясь в своего рода метаорганизм. С этих пор жизнь человека протекает в двух плоскостях. Не случившееся в мире вещей вполне может случиться в мире идей, где одна идеальная Дульсинея Дон Кихота с успехом заменит три тысячи материальных любовниц Дон Жуана.

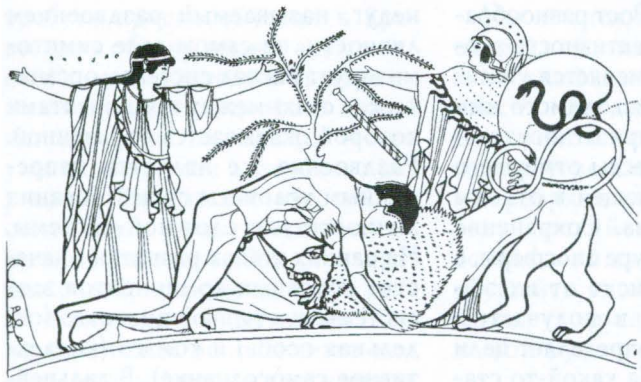
Древние нашли символическое воплощение различных вариантов двойственности. Один из двойников убивает другого, как Каин Авеля, или выступает в роли предтечи, как в паре Иоанн — Иисус, или вражда двойников завершается примирением, как у Исава с Иаковом, или они неразлучны и в том мире, и в этом, как Диоскуры — символ наиболее уравновешенной и продуктивной культуры.

Метаэго как носитель сущностного представления человека о самом себе может отождествляться с душой, но без присущего этому понятию налета мистики. Его существование в мире идей может, при определенных условиях, превысить биологический срок жизни.

Конфликтность духовной жизни связана с противоречиями между прото- и метаэго, но не только с ними. Так, рефлексия Гамлета имеет в своей основе противоречие иного уровня — между личностью и ее метафизическим антиподом (антиэго), символом которого служит тень отца Гамлета.

АНТИЭГО

Древнему человеку было свойственно ощущение слитности со всем миром, позволявшее ему считать, что расположение звезд или полет журавлиной стаи имеют непосредственное отношение к его судьбе. В атавистической форме этот первобытный космизм сохранился по сей день. То, что сейчас называется мистикой, — это осколки утраченного мироощущения, которое когда-то составляло сущность человека. Однако с развитием личности человек вынужден был провести черту между «я» и «не я». Возникшая в результате этого разделения новая система отношений имела решающее значение для дальнейшей эволюции личности, трансформируясь в противопоставление человека


Геракл убивает немейского льва

природе, обществу, богу и другим воплощениям «не я» — антиэго. Если в тотемический период символы духовной жизни черпались из окружающей природы, то теперь природа воспринималась как нечто враждебное, с чем нужно бороться (подвиги Геракла заключались в уничтожении волшебных змей, львов, быков — наиболее распространенных тотемов). Если раньше отношения с обществом складывались по принципу части и целого, то с обретением личностью цельности и самоценности возникло неизбежное отчуждение. Герои старых времен всегда выступали в роли защитников общества, выразителей его интересов. Герои нового времени все чаще вступали в борьбу с социальной системой, принимавшую все более трагический характер.

Отношения с богом развивались примерно по той же схеме. Если в античном мире многие еще считали себя прямыми потомками или, во всяком случае, близкими родственниками богов, то в дальнейшем дистанция была разорвана. Бог стал тем абсолютным пределом, за который личности не дано заглянуть (для людей аналитического склада ума — пределом познания, необходимым ограничением исследовательской деятельности). Противопоставление эго и антиэго в данном случае заставляло человека принять и постоянно декларировать свое ничтожество, смирение перед богом.

Как романтическое бунтарство, истолкованное в качестве стремления улучшить общественную систему (хотя в действительности оно мало зависит от характера последней), так и недоразвитие личности можно считать результатом вертикальных отношений между эго и антиэго, которые периодически меняются местами в системе господства — подчинения. Более благоприятны для развития личности горизонтальные отношения, провозглашенные на заре нашей эры Сыном Человеческим, который, по определению, не мог быть отцом человеческим. Однако эта горизонталь — все еще недосягаемый идеал для нас.

Эволюцию можно повернуть вспять, хотя вторичный продукт не вполне идентичен первичному (вспомним известное изречение о трагедии и фарсе). Можно, оказывается, удалить самосознание, имплантировав на его место племенное сознание. Именно этим занимались во всех тоталитарных государствах. Наши опасения по поводу тоталитаризма связаны в первую очередь с этой хирургической операцией, хотя некоторые переносят ее с завидной легкостью, разве что предпочитая современному варианту средневековый или еще более приближенный к первобытному оригиналу.

Хотя отторжение личного «я» и его замена племенным были не всегда и не во всем успешными, их последствия еще долго будут препятствовать возврату к нормальному существованию, ибо нормой для человека уже примерно с V в. до н. э. стало автономное самосознание (столь обособленное, что еще Сократ считал его сверхъестественным существом — своим «даймоном»), предполагающее существование развитой эгосистемы.

Кризис этой системы, подобно экологическому, наступает вследствие упрощения ее структуры при доминировании одного из компонентов. Емкость ее при этом катастрофически падает, что выражается в массовом вымирании метаорганизмов. Такого рода затяжным метакризисом было Средневековье. На преодоление его тогда ушло три, а то и четыре века. И пока не состоялось возрождение личности, никаких сдвигов в экономике не было: лишь к XIV в. Европа достигла древнеримского уровня производительности труда.

ЭВОЛЮЦИЯ

Исходя из подобия экологических и метаэкологических структур, можно предположить, что им свойственны общие закономерности развития. Экосистема немыслимо сложна, а метаэкосистема еще сложнее. Поэтому необходимо ограничиться рассмотрением немногих параметров, характеризующих развитие той и другой. К таким параметрам экосистем относятся в первую очередь масса живого вещества (биомасса), масса отмершего вещества (мортмасса), разнообразие (показатель структурной сложности) и доминирование (параметр, тесно связанный с разнообрази-

Св. Иоанн. Франция, XV в.

ем). В метаэкологии живую массу образует находящаяся в обращении культурная продукция, мертвую — продукция, вышедшая из обращения. Аналогом биологического разнообразия можно считать разнообразие видов культурной продукции, сосуществующих в метаэкологической системе. Между ними также возникают отношения доминирования, именуемые в обиходе модой и нередко ведущие к вымиранию конкурирующих видов.

Палеонтологические данные свидетельствуют о сохранявшейся в течение миллионов лет общей направленности эволюции экологических систем, которая выражалась в усложнении их структуры (росте биологического разнообразия) и соответствующем увеличении биомассы при относительном сокращении производства мортмассы. Та же закономерность кратко повторяется в развитии биотического сообщества от пионерной стадии малоустойчивых, быстро размножающихся видов к зрелой, которую также называют климаксной, имея в виду, что возможности саморазвития исчерпаны.

Дальнейший прогресс зависит от эволюционных новшеств — своего рода биологических изобретений типа насекомоопыления или теплокровности, которые не только способствуют выживанию самих «изобретателей», но и открывают новые экологические ниши для других видов.

Однако эта направленность периодически прерывалась и даже оборачивалась вспять во время биосферных кризисов, которые сопровождались катастрофическим вымиранием видов. Заметим, что жертвами массовых вымираний становятся в первую очередь господствующие группы (например, в свое время — динозавры). Доминирование опасно.

Разнообразие видов отражает структуру экосистемы, служит мерой ее сложности. Рост разнообразия повышает эффективность экосистем, которая измеряется увеличением массы производимого ими живого вещества при относительном сокращении массы отмершего вещества, поступающей в отходы этого производства. Сохранение экосистем в структуре биосферы, в свою очередь, зависит от их эффективности. Так и получается, что система сама определяет цели своего развития. На какой-то стадии этого процесса в составе биологического разнообразия появляются существа, наделенные разумом как средством наиболее эффективного достижения экосистемных целей. Эти существа уже сейчас не только сокращают собственные отходы, но и вовлекают отходы прошлых геологических эпох — органическое вещество горючих полезных ископаемых — в расширенное производство биомассы (в виде сельскохозяйственного производства, восстановления лесов, роста человеческих популяций) и сохранение биологического разнообразия. Тем самым выполняется естественное экосистемное предназначение разума, которое с угасанием мелких социальных и политических страстей, вероятно, станет главным предназначением человека.

Гойя. Сон разума рождает чудовищ

МЕТАЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Однако выполнение человеком своего экосистемного предназначения тесно связано с адекватным развитием личности. Психический недуг, называемый раздвоением личности, на самом деле симптомизирует распад системы, органическая связь между компонентами которой оказывается утраченной. Раздвоение же является непременным условием существования личности как сложной системы. На ранних этапах развития в качестве основных компонентов эгосистемы выступают протоэго (отдельная особь) и комэго (коллективное самосознание). В дальнейшем происходит обособление, автономизация ее структур. Комэго дает начало двум структурным компонентам, играющим основную роль в дальнейшей эволюции: метаэго (индивидуальное самосознание) и антиэго (ограничение личности). Полноценное личностное развитие современного человека без этих компонентов уже невозможно (хотя, как уже упоминалось, возможен частичный возврат к прошлому путем их целенаправленной замены коллективным сознанием). Принижение метаэго ведет к животному существованию в одной плоскости. В то же время агрессивное вторжение метаэго в сферу питания и размножения (в виде постов, сексуальных запретов и т. п.) — исконные владения протоэго — приводит к угнетению последнего и в конечном счете не менее разрушительно.

Функционирование экосистемы предполагает распределение экологических ролей (ниш) между различными организмами. При этом сама роль определяет «идею» вида, который ее исполняет. Так, освоение полога леса

требует приспособления к древесному образу жизни, а достигается ли оно с помощью хватательных конечностей, цепкого хвоста или присосок на пальцах — это уже особенности актерского дарования. В метаэкологической системе, как и в биотическом сообществе, имеется набор стандартных ролей, которые не могут долго оставаться вакантными. Так, исполнителем роли антиэго может стать метаэкологическая проекция отца, школьного учителя, вождя, государства. Его абсолютное доминирование ведет к подавлению других компонентов, упрощению и в конечном счете коллапсу эгосистемы. Его длительное отсутствие ведет к солипсизму, мании величия, утрате социальных ориентиров. Появившиеся более трех миллиардов лет назад первые микробные экосистемы создали тонкую пленку живого, сохранение которой достигалось за счет накопления внушительных объемов мортмассы, сохранившейся в виде горючих сланцев. Именно эти сообщества больше всего соответствуют современному состоянию метаэкологической системы, в которой тонкая пленка живой культуры неравномерно покрывает массивы невостребованного и практически уже отмершего культурного наследия минувших тысячелетий.

Для Пушкина творения Овидия и Анакреона были живой поэзией, не говоря уже о стихах Сумарокова и Державина, с которыми выросло его поколение. Однако уже в следующем поколении эта поэзия подверглась катастрофическому вымиранию. Современное подрастающее поколение более не трогают ни воспевание женских ножек, ни описание псовой охоты. Это поколение могло бы открыть для себя другого Пушкина и другого Толстого, но хранители традиций этого не допустят.

Мы становимся свидетелями очередной метаэкологической катастрофы, подобной тем, что унесли Овидия с Анакреоном, Сумарокова с Державиным, а теперь угрожающей и золотому, и серебряному, и даже медному веку российской словесности, оставляя лишь тонкий, то и дело рвущийся слой быстро сменяющих друг друга пионерных видов живой культуры. Призывами и заклинаниями тут делу не поможешь, потому что современный эволюционный уровень метаэкологической системы не обеспечивает устойчивого развития новой культуры без катастрофического «сброса» культурной традиции. Система вмещает столько, сколько позволяет ее структура.

Мюнцер — крестьянский вождь

По аналогии с экологическими системами можно предположить, что снятие конкуренции, ослабление доминирования и рост разнообразия повысят продуктивность метаэкологических систем, их способность наращивать метамассу живой культуры без катастрофических срывов. Вертикальная установка, в соответствии с которой культура делится на «высокую» и «низовую», а ее герои выстраиваются по рангам великих, гениальных, талантливых, замечательных, выдающихся, известных, видных и т. д., тормозит рост разнообразия, исподволь создавая кризисную ситуацию, сброс доминирующих форм. Величие не в массовости признания, а в том, чтобы, открывая новые метаэкологические ниши, способствовать росту культурного разнообразия.

БЕССМЕРТИЕ

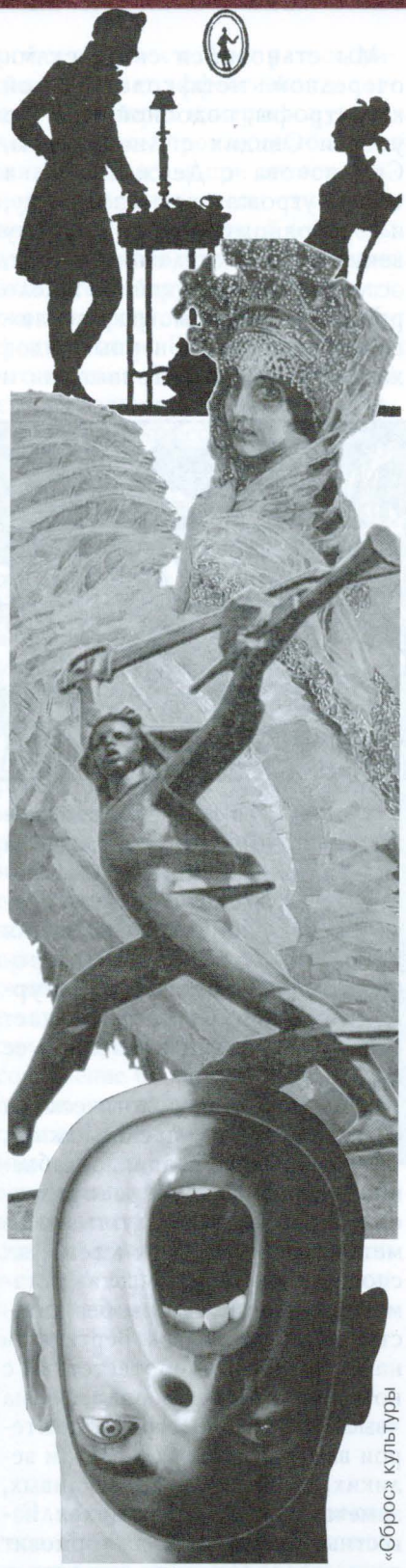
Основное свойство организма заключается в сохранении жизни посредством питания и размножения. Метаорганизмы поначалу питаются одними коллективными идеями, и соответственно уровень их разнообразия невысок, а продолжительность индивидуального существования едва ли превышает биологическую. Нет оснований уповать на повышение эффективности метаэкологических систем до тех пор, пока резко выраженное доминирование коллективных идей обеспечивается социальными и политическими механизмами. Лишь внедрение механизмов сохранения разнообразия (например, сознательного поощрения инакомыслия, как в случае древнегреческой софистики) может сдвинуть ситуацию с мертвой точки. У метаорганизмов развиваются средообразующие свойства, в их рационе появляются переработанные коллективные и, наконец, личные идеи, способные продлить их существование далеко за биологические пределы.

Мир вещей и мир идей и подобны, и противоположны по своим свойствам. Их принципиальное подобие объясняется общим предназначением — продлением жизни в последующих поколениях. Однако в мире вещей наследование осуществляется с помощью менделевского механизма передачи генов, который предполагает биологическую смерть как средство против

накопления мутаций и вырождения. В мире идей действует ламарковский механизм наследования приобретенных свойств, в принципе совместимый с вечной жизнью. Сохранение жизни в экосистеме гарантируется производством большого числа копий, из которых хоть часть наверняка уцелеет. Для метаорганизма массовое тиражирование, напротив, губительно, так как он превращается в общее место, что в данном случае равносильно смерти.

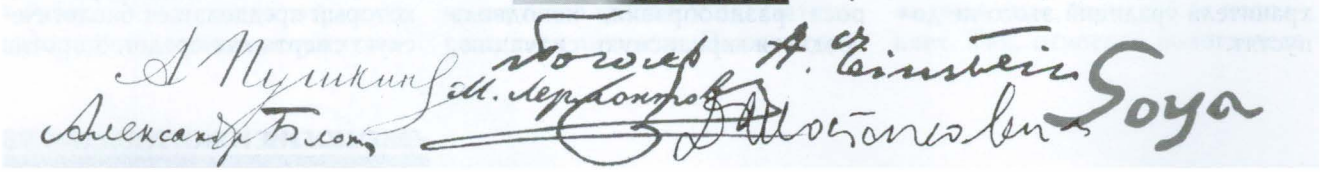
Биологическое продление жизни после смерти заключается в передаче генов потомству. Именно стремление к бессмертию заставляет уже на биологическом уровне заботиться о потомстве больше, чем о себе. Высшим организмам доступно и социальное продление жизни в виде передачи индивидуального жизненного опыта путем обучения. Двойственное существование человека открывает новый вид бессмертия в мире идей, которое, как и на биологическом уровне, представляет собой особого рода размножение.

При этом производство идентичных копий (клонирование) оказалось неэффективным уже на биологическом уровне и было заменено в ходе эволюции на половое размножение (в клоне потомки не могут быть лучше родителей и даже проявляют тенденцию к дегенерации, а при половом размножении всегда сохраняется возможность более удачной комбинации генов; потомки хотя бы в каком-то отношении лучше родителей — этим создается общая тенденция прогрессивного развития). Тем более, что размножение метаэго не сводится к копированию, а в любом случае представляет собой творческий процесс, идет ли речь о художественном творчестве или о другом виде интеллектуальной деятельности.



«Сброс» культуры

Сторонники биологического клонирования человека, мечтающие населить мир своими копиями, низводят человечество до уровня низших форм жизни. Не столь очевидно, но столь же пагубно проявляется эта тенденция и в мире идей. Родители навязывают детям свои взгляды, вкусы, пристрастия, отвергая все, чего «в наше время не было», и тем самым настаивая, подчас бессознательно, на идейном уподоблении — своего рода духовном клонировании.

На продвинутой стадии эволюции личности мнение окружающих уже не является решающим в процессе самоопределения. Пушкин считал, что судьей поэта может быть лишь сам поэт. Сальвадор Дали утверждал, что целью его жизни было стать Сальвадором Дали. Эти люди обрели бессмертие, тогда как миллионы других, стремившихся уподобиться кому-то, определиться посредством общественного мнения, исчезли бесследно. Мы считаем гениями тех, кто прокладывает новые пути, открывает то, что становится впоследствии общим достоянием. Художник, который хотел лишь предельного совмещения с самим собой, отвечает этому определению.

Если говорить о повторении истории рода в индивидуальном развитии, то каждый из нас, взрослея, так или иначе проходит стадии размахивающего палицей героя с его повышенным и не всегда дружелюбным интересом к животным, одинокого принца, не желающего идти на поводу судьбы, скитальца, пытающегося остановить мгновение на краю могилы. Задача эгосистемы состоит в том, чтобы на этом субстрате стереотипов продуцировать нечто особенное, наделяющее сущностным бессмертием.